доказывали некоторые зарубежные исследователи, а оригинальной литературой, развившейся в условиях византинизма. Автор подробно излагает историю возникновения и развития художественных форм византийской литературы, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, дает ее периодизацию, характеризует основные периоды и показывает своеобразие каждого этапа развития. При всем этом автор насыщает свой труд целым рядом оригинальных исследований, касающихся, к примеру, вопросов развития неоплатонизма и ареопагитики, происхождения романа «Варлаам и Иоасаф», «Лимонария» Иоанна Мосха и т. д. Здесь впервые показаны роль и место грузинских деятелей в развитии византийской культуры.

Замечательным плодом многолетней деятельности С. Г. Каухчишвили является созданная им серия — «Сведения византийских писателей о Грузии», или «Георгика», состоящая из 8 томов, которые содержат тексты и грузинские переводы всех византийских источников V—XV вв., содержащих сведения о Грузии. Тексты сопровождаются подробными историко-филологическими комментариями. «Георгика» является настольной книгой для всех, кто занимается историей Грузии и Кавказа. Кроме того, С. Г. Каухчишвили сверял тексты оригиналов со всеми существующими изданиями и зачастую проводил сложный текстологический анализ. Анализ сведений отдельных источников, оценка и характеристика самих этих источников в комментариях делают этот труд С. Г. Каухчишвили важным и для собственно византиноведения.

Следует отметить, что в 1974 г. С. Г. Каухчишвили основал новую серию — «Сведения древнегрузинских источников о Византии» (Georgica—Byzantina), — первый том которой уже увидел свет.

Несомненной заслугой С. Г. Каухчишвили перед советским византиноведением является и тот факт, что он воспитал многочисленную группу грузинских византинистов. Созданная С. Г. Каухчишвили грузинская школа византиноведения успешно работает, широко известна и пользуется заслуженным авторитетом.

И сегодня С. Г. Каухчишвили продолжает активно трудиться на научном и педагогическом поприще, с неиссякаемой энергией исследует, переводит, публикует, и мы уверены, что еще не раз будем читателями его новых научных трудов и публикаций.

Н. Ю. Ломоури

«ВИЗАНТИЙСКИЙ ДЕНЬ» НА XIV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК В САН-ФРАНЦИСКО (АВГУСТ 1975 г.)

В последнее десятилетие установилась хорошая традиция проводить во время международных конгрессов исторических наук так называемый «византийский день» под эгидой Международной ассоциации византинистов. Так было в 1965 г. в Вене, в 1970 г. в Москве и, наконец, в 1975 г. в Сан-Франциско.

23 августа в отеле Фермонт состоялся традиционный «византийский день», посвященный рассмотрению темы: «XV столетие и конец Византии». Интерес к этой проблеме, возросший в 50-х годах в связи с 500-летием падения Константинополя, временно ослабел. Однако в последнее время в различных странах появилось немало работ, посвященных гибели Византии. Национальный комитет византинистов США задумал широкую постановку данной проблемы: одной из основных задач ее рассмотрения было не только выяснение причин и последствий турецкого завоевания Византии, но и откликов на это событие в различных государствах Европы.

Президентом на заседаниях был глава американских византинистов профессор Гарвардского университета и председатель Национального комитета византинистов США И. Шевченко. В начале заседания с краткими приветствиями выступили З. В. Удальцова (СССР), М. Берза (Румыния), Д. Ангелов (Болгария) и И. Шевченко (США).

На первом заседании с докладом «Падение Византии и Восточная Европа. Отклики на завоевание Константинополя турками в Русском государстве» выступила *З. В. Удальцова* (Москва). Она показала, что турецкое завоевание Византии имело для стран Юго-Восточной Европы и Руси негативные последствия в сфере экономики, политики и культуры. Это событие получило широкий резонанс в Русском государстве. Центральное место в докладе занял анализ русского памятника конца XV в. «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера. Эта «Повесть», как ныне установлено, представляет собой записки русского воина, служившего в армии турок и участвовавшего в осаде Константинополя в 1453 г. Как рассказ очевидца-участника событий, это произведение имеет большую научную ценность. Докладчица подробно осветила политическую и конфессиональную позицию автора повести, его мировоззрение, дала оценку произведению Нестора Искандера не только как исторического источника, но и как литературного памятника, изложила причины огромной популярности «Повести» на Руси [1].

Рассказ о впечатлении, произведенном гибелью Византии в Восточной Европе, был дополнен в содокладе *М. Д. Лордкипанидзе* (Тбилиси) «Отклики на завоевание Константинополя турками в Грузии». Падение Византии явилось большой трагедией для Грузии и вызвало там многочисленные сочувственные отклики. Грузия в союзе с папским престолом и державами Западной Европы приняла активное участие в подготовке в 1461 г. крестового похода против турок. Борьба против турок способствовала внутреннему объединению Грузии и временному прекращению феодальных усобиц.

По докладу З. В. Удальцовой развернулась оживленная дискуссия. Выступавшие ученые Э. Кондураки и Э. Станеску (Румыния), И. Караяннопулос (Греция), Э. Арвейлер (Франция) подчеркнули ценность «Повести» Нестора Искандера как исторического источника и необходимость ее дальнейшего изучения в текстологическом аспекте. И. Шевченко высказал некоторые, правда, еще не аргументированные сомнения в том, что «Повесть» Нестора Искандера была написана очевидцем взятия Царьграда турками, и предположительно отнес памятник в XVI в. Эта гипотеза не встретила поддержки у других специалистов. В заключительном слове З. В. Удальцова отстаивала принятую в советской науке датировку памятника.

В докладе *Спироса Брониса* (Лос-Анжелес) «Халкокондил и оттоманский бюджет» была сделана попытка вычислить доходы и расходы Османского государства в XV в. по данным Лаоника Халкокондила. Основное значение доклада, на наш взгляд, состоит в тщательной проверке известий Халкокондила путем их сравнения с данными генуэзского купца Джакопо де Промонторио, который провел много лет при дворе султана Мехмеда II и оставил описание финансов турецкого государства, а также с ранними оттоманскими документами. Общий вывод докладчика сделан в пользу достоверности рассказа Халкокондила. Афинский историк XV в. был хорошо знаком со структурой центральной и провинциальной администрации турок и достаточно точно описал доходы казны самого султана, его придворных и, наконец, провинциальных правителей. Он делит все налоги на 7 категорий и приводит большой цифровой материал. С. Брионис допускает, что цифры Халкокондила несколько преувеличены, но при их сравнении с другими источниками это завышение кажется не столь уж значительным. Ценность рассказа Халкокондила состоит в том, что он в отличие от Джакопо де Промонторио, отсек детали и сумел выделить главное, представив общий очерк административной и фискальной системы турецкого государства в правление Мехмеда II. Он дает возможность определить пропорцию между доходами казны султана и провинциальной администрации. Халкокондил ясно показал, кроме того, что основная тяжесть налогов в Османской державе ложилась на плечи не мусульман, а покоренного христианского населения. Еще до падения Константинополя турецкие султаны, как свидетельствует Халкокондил, располагали огромными средствами, значительную часть которых составляла не только военная добыча, захваченная турками во время завоеваний Малой Азии и Балканского полуострова, но и богатства,

[1] Доклад публикуется в настоящем томе «Византийского временника», с. 19—29.

собранные турками в виде налогов и всякого рода контрибуций с покоренного населения. Докладчик тщательно изучил данные Халкокондила о технике и формах взимания турками налогов в завоеванных областях Византийской империи. Известия Халкокондила о налоговом обложении в турецкой державе, обобщенные и систематизированные Врионисом, убедительно опровергают, на наш взгляд, тезис турецкой историографии о незначительности поборов турецких властей с завоеванного населения.

Эрнст Вернер (Лейпциг) в докладе «Восток и Запад в средневековой истории Юго-Восточной Европы и отражение их взаимоотношений в деятельности шейха Бедреддина (1359—1416)» осветил политические аспекты учения этого мыслителя. В области философии Бедреддин был склонен к философскому пантеизму и рационализму, отдавал предпочтение разуму перед верой, богом для него была вселенная, а божественными силами — законы природы. Воскресение и воплощение он отрицал как противоестественные и противоречащие правде и здравому смыслу. Подобно философам Возрождения, он восхвалял земное бытие как истинное поле деятельности людей. В религиозном учении Бедреддина господствовали идеи синкретизма, примирения христианской и мусульманской религий. В его теологических построениях исчезали грани между исламом и христианством; он призывал христиан и мусульман к взаимной веротерпимости. В сфере политики Бедреддин был сторонником создания федеративного государства мусульман и христиан. Стремление к свободе православных греков и славян должно было послужить к их объединению с турками в исламо-христианской империи, политика которой была бы направлена против устремлений к экономическому и духовному порабощению со стороны Запада. Концепции латино-греческой церковной унии был противопоставлен синтез религий в исламо-христианской империи. В социальной сфере учение Бедреддина проповедовало создание новой социально-политической общности, в которой исчезала бы вражда между господами и слугами, племенами и народами, победителями и побежденными и прекращались религиозные распри. Восстание Бедреддина в 1416 г. потерпело поражение, а он был казнен. Как убедительно показал Э. Вернер, поражение было вызвано, не в последнюю очередь, ошибочными и туманными идеями Бедреддина о социальной гармонии и общности. С разгромом этого движения и особенно с жестоким подавлением восстания ученика Бедреддина Берклюджи Мустафы у населения Румелии исчезла последняя надежда на компромисс с завоевателями на основе религиозного и юридического равенства. Идеи Бедреддина о веротерпимости, его стремление к созданию разумной земной религии смягчали суннитскую ортодоксальность и деспотизм мусульман, с одной стороны, и мистический исихазм христиан, с другой. Э. Вернер исследовал влияние учения Бедреддина и его последователей на народно-еретические движения крестьянских масс Малой Азии, Балканского полуострова и всей Юго-Восточной Европы в XV в. Весьма показательно, что в восстании Бедреддина принимали участие представители различных национальностей, в том числе турок и греков, общая антифеодальная борьба и общие классовые интересы объединили, пусть временно, народные массы завоевателей и покоренного населения Малой Азии. Восстание Бедреддина нанесло серьезный урон турецкому правительству и замедлило завоевание османами остальной территории Византийской империи.

На вечернем заседании 23 августа состоялся доклад *Димитра Ангелова* (София) «О некоторых проблемах борьбы болгар против османов в первой половине XV века». Докладчик, на основании изучения византийских и славянских источников, привел новые факты о гайдукском движении в завоеванной турками Болгарии и о сопротивлении народных масс Балканского полуострова, в частности Болгарии, турецкому завоеванию.

Большой интерес и самую оживленную дискуссию вызвал доклад *Николая Икономидиса* (Монреаль) «Монашество и монастыри во время оттоманского завоевания». Н. Икономидис в архивах монастырей Афона обнаружил новые документы (поземельные описи, акты, жалованные грамоты), которые, по его мнению, говорят о том, что большая часть афонских монастырей вступила в сотрудничество с турками и такой ценой сохранила, а в некоторых случаях даже приумножила свои земельные владения в первые годы после турецкого завоевания. На Афоне

турецкие власти сами пошли на компромисс с влиятельной верхушкой православного монашества и пожаловали афонским монастырям, при условии сохранения лояльности, важные привилегии, в том числе охранные грамоты на их земельные владения.

Сознавая фрагментарность афонских документов, докладчик на основании их предварительного изучения останавливается лишь на трех вопросах: «политические» отношения монахов к туркам, экономическая роль монастырей в период и после завоевания, модификация этнического состава монашества в это время. В XIV в., когда монахи Афона, страдая от набегов турок, искали убежища в труднодоступных местах, население монастырей в прибрежных областях резко сократилось; после поражения христиан при Марице в 1371 г. охваченные паникой афониты были принуждены в 1383 г. признать власть турок, причем это произошло без кровопролития, на основе компромисса. Монастыри сохранили свои владения, за которые платили налоги, в частности харадж, в то время как имущество многих светских землевладельцев было конфисковано и передано мусульманским поселенцам. Такие факты засвидетельствованы в актах Эсфигмена. Более того, монахи с разрешения турецкого правительства могли выкупать у новых турецких владельцев земли и присоединять к имениям монастыря. Монастыри Афона, монастырь Неа Мони сохранили свои домены, однако другие монастыри иногда их теряли. После падения Фессалоники в 1430 г. монахи Афона явились к султану Мураду II и добились от него признания особого статуса Афона. Афонские монастыри признали сюзеренитет турок еще до завоевания последними Македонии. В обстановке общей нестабильности монастыри, пользуясь защитой турок, приобрели репутацию единственно стабильных и неприкосновенных учреждений. Укрепив свои земельные владения, монастыри стали обращать в деньги излишки урожая путем продажи так называемых адельфатов — натуральной ренты, которая ранее давалась монахам или беднякам в целях благотворительности, а теперь продавалась за довольно высокую цену светским лицам с правом передачи ее по наследству. XIV—XV вв. характеризуются и изменением этнического состава афонского монашества. До XIV в. на Афоне преобладал греческий элемент. Византийская администрация и местные правители монастырей препятствовали продаже земли на Афоне лицам негреческого происхождения. В XIV—XV вв. участились случаи продажи земель славянам: сербам и болгарам. С установлением оттоманского господства славянское население на Афоне явно увеличивается. Так, славянские подписи на афонских документах в первой половине XV в. составляют 25%, во второй половине XV в. — 43%, а в первом двадцатилетии XVI в. — 50%. Во многих монастырях, некогда греческих, в XV—XVI вв. славяне стали преобладающим этническим элементом. Приток славян на Афон, как показал докладчик, был вызван изменением общей политической обстановки на Балканах и прежде всего уничтожением славянских государств в ходе турецкого завоевания.

В дискуссии по докладу Н. Икономидиса приняли участие И. Караяннопулос, директор Греческого института византийских и послевизантийских исследований в Венеции М. Мануссакас, Э. Арвейлер, С. Врионис, И. Шевченко, Э. Вернер, М. Д. Лордкипанидзе. Многие из выступавших подвергали сомнению правомерность распространения приведенных данных об афонских монастырях на другие монастыри Греции и подчеркивали эпизодический и даже «исключительный» характер сотрудничества православных монастырей Афона с турками. Некоторые ученые объясняли причину политики заигрывания турецких властей с греческим духовенством Афона сложной для Османской империи внешнеполитической ситуацией второй половины XV в. Почти все выступавшие акцентировали внимание на временном характере сотрудничества монастырей Афона с турецким правительством и указывали на то, что в последующий период именно монашество и монастыри стали центрами сопротивления турецкому господству. Н. Икономидис, однако, отстаивал свои позиции и приводил в их защиту свидетельства документов.

На заключительном заседании Комиссии византийских исследований итоги «византийского дня» в Сан-Франциско подвел И. Шевченко. Он отметил высокую научную ценность всех докладов и творческую обстановку, царившую во время дискуссий.

На заседании 23 августа присутствовали такие крупные византинисты и медиевисты, как Д. Ангелов, В. Велков (Болгария), Э. Вернер (ГДР), Э. Кондураки, М. Берза, Э. Станеску, Ш. Штефанеску (Румыния), М. Мануссакас, И. Караянно-пулос (Греция), Э. Арвейлер (Франция), И. Шевченко, С. Врионис, В. Александер, П. Топинг, Б. Крекич (США), Н. Икономидис (Канада), члены советской делегации М. Д. Лордкипанидзе, Я. Н. Щапов, Г. Г. Литаврин, З. В. Удальцова.

Византиноведческая проблематика заняла видное место и на заседаниях секции медиевистики. Эти заседания проходили 26—28 августа и были посвящены рассмотрению темы «Встреча цивилизаций в Европе к 1300 году».

Непосредственное отношение к истории Византии имели два доклада, прослушанные и обсужденные на заседаниях этой секции, — доклад Э. Арвейлер «Греция на переломе: XIII век» и доклад П. Топинга «Греки и латиняне в XIII—XIV вв. Некоторые аспекты их сосуществования и культурного взаимодействия». Основной задачей доклада *Э. Арвейлер* было выяснение роли Греции во взаимоотношениях Востока и Запада и определение места XIII столетия в историческом развитии греческого мира. Под Грецией этого времени Э. Арвейлер подразумевает области с грекоязычным населением в пределах Византийской империи или греческих государств, возникших на ее территории. С географической точки зрения эта Греция была одновременно и азиатской и европейской, идеологически она базировалась на идеях Римской империи и православного христианства.

Докладчица справедливо считает XIII век временем решающего поворота в истории Византии. В это столетие Византия перестала быть мировой державой и не могла более претендовать на главенство в христианском мире. XIII век положил предел господству идеи политического универсализма и религиозного ойкуменизма Византийской империи, хотя и титулатура ее императора, который оставался римским, и титулатура ее патриарха, который продолжал быть вселенским, остается прежней. Решающие перемены были подготовлены всем предшествующим историческим развитием византийского государства. Находясь между Востоком и Западом, Византия к XIII в. потеряла своих естественных союзников — западных христиан и осталась в изоляции, которая усугублялась отпадением от империи народов, ранее находившихся в орбите ее политического влияния. Все это совпало с внутренним ослаблением Византии, ростом сепаратизма провинций, недовольных великодержавной политикой Константинополя. Раскол между Константинополем и провинциями привел к тому, что в 1204 г., во время осады столицы крестоносцами, провинции не подали ей руку помощи. Ненависть к Константинополю, по мнению докладчицы, объясняет враждебное поведение населения пригородов столицы в отношении терпящей бедствие константинопольской знати. Авторитет центральной власти пал, полунезависимые правители провинций сотрудничали с иноземными завоевателями, были случаи отпадения населения от православия, в стране возобладал политический регионализм. Все это противоречило коренным интересам греческой нации, ибо Запад ставил своей задачей полное уничтожение Византии, искоренение религиозных и культурных традиций греческого народа.

Поэтому вполне естественно, по мнению Э. Арвейлер, что катастрофа 1204 г. привела к возрождению греческого патриотизма, потерянный Константинополь вновь стал желанным, а из символа деспотизма опять превратился в символ былого величия Византийской державы. Отвоевание Константинополя стало основной задачей греческих государств, хотя каждое из них шло к этой цели своим путем. XIII век был для византийцев временем переоценки всех ценностей. Именно в этот период, по утверждению некоторых современных ученых, родился новогреческий мир. С этого времени можно говорить уже о греках, а не о византийцах, Византия превратилась в моноэтническое греческое государство, единое по национальному составу, языку, культуре и религии. Еретическое по отношению к православной церкви население теперь интегрировалось в составе других политических образований. Идея возрождения Византийской империи и отвоевания Константинополя у латинян питала религиозную ненависть к католикам, рупором которой стала церковь, помогла возродить союз с православными народами Балкан, послужила основой политической идеологии, которую Э. Арвейлер называет

идеологией «великой греческой идеи». Греки Эпира, Никеи и Трапезунда осознали свою общность как византийцев несмотря на то, что внутренние и внешние интересы этих государств зачастую противоречили этому единству. Объединявшая их общая цель — отвоевание Константинополя — одновременно их и разъединяла, ибо каждое греческое государство стремилось самостоятельно вернуть столицу Византии. Борьба между ними существенно ослабляла греческий мир. Противоборство греческих государств объясняет факты поддержки поселившихся в Греции латинян со стороны Эпира дружественные отношения Никеи с Иконийским султанатом.

Однако в силу преимуществ своей внутренней организации именно Никее удалось отвоевать Константинополь. Упорядочение государственного аппарата и налаживание финансов помогли Никейскому государству восстановить национальную армию, наладить более «справедливое распределение богатств», что проявилось в аграрной политике Ласкаридов (создание воинских земельных участков, крестьянских держаний, стратиотских проний и т. п.). Отвоевание Константинополя не привело, однако, к миру с Западом, борьба с латинянами продолжается и достигает своего апогея в столкновениях Михаила VIII Палеолога и Карла Анжуйского. В этой борьбе Византия и Запад как бы забыли об общем враге — турках-османах. Византия вновь мобилизовала все силы для отпора Западу, ценой забвения интересов населения Малой Азии, что открыло туркам дорогу в Европу.

XIII век начался с того, что предоставил христианским государствам контроль над Средиземным и Черным морями, столкнул армии христиан с другими христианами, чтобы и их поставить лицом к лицу с Азией. XIII век окончился триумфом этой «неистощимой» Азии, которая стала угрожать самому очагу христианства на Западе. Но Запад более думал о походе «против греков», чем о походе «против турок». Выиграли от раздоров христиан в XIII в. лишь итальянские купцы, которые основали свою колониальную державу в восточной части Среднеземноморья. XIII век похоронил идею универсальной Византийской монархии. Сведенная отныне к своим балканским владениям, Византия медленно умирала.

В докладе *П. Топинга* исследовано различие в судьбах двух завоеванных крестоносцами областей Византийской империи: французского княжества Мореи (Ахеи) и венецианской колонии Крит. Проблему «встречи цивилизаций», греческой и латинской, автор рассматривает в двух главных аспектах: социально-политическом (изменения в структуре господствующего класса и отчасти крестьянства) и культурном (взаимное влияние греческой и латинской культур). И в Морее и на Крите, по его мнению, происходило сближение господствующего класса завоевателей и местной знати, однако шло оно различными путями. В Морее сближение произошло на уровне феодального класса: части греческих архонтов удалось получить земельные владения и занять место в военно-административной системе страны. Эти латинизированные архонты принимали католицизм и становились апологетами папства и крестовых походов. Крестьянство осталось в стороне от сближения с латинянами, сохранило обычаи и веру и это в конце концов обусловило нестойкость латинского владычества в Пелопоннесе. Но, по мнению Топинга, «феодальные институты и общество, которое франки установили в Морее, составляли только надстройку, которая исчезла вместе с последними баронскими владениями и которая оставила незначительные следы как в стране, так и в психологии людей». На Крите же венецианцы установили суровый режим и высокие налоги, и на острове продолжались постоянные волнения вплоть до середины XIV в. Однако в течение XIV—XV вв. происходит сближение венецианцев и греков, в среде высших и средних классов, чему способствовала политика веротерпимости. Появляется новая греко-венецианская культура, которая переживает пышный расцвет в XVI—XVII вв. «Настойчивые купцы лагуны, — пишет Топинг, — оказались более выносливыми в своей колонии, чем франки в их княжестве». Однако критяне «сохранили себя как греки по своему национальному чувству, языку, религии и культуре». И хотя греки много получили от блестящей цивилизации Италии эпохи Ренессанса, греческий дух, пишет Топинг, снова создал нечто удивительно новое, вновь подтвердив слова Платона: «Что бы эллины ни получали от варваров, они приводили это к новому совершенству».

По докладу П. Топинга развернулись оживленные прения. В своем выступле-

нии З. В. Удальцова подчеркнула, что латинское завоевание не принесло в Романию феодальных отношений как таковых — феодализм в Византии существовал задолго до IV Крестового похода, хотя и имел свои типологические особенности. Франки не принесли в Морею новых, более прогрессивных отношений. Утвердившийся в Романии феодализм западного типа был для Европы XIII в. уже архаичной общественной формой. В Западной Европе в этот период росли города, развивались товарно-денежные отношения, начинает формироваться сословная монархия. В Романии же латинское завоевание способствовало консервации более отсталых форм феодализма с преобладанием аграрной экономики.

Проблему, поставленную в докладе, нельзя решить без рассмотрения вопроса о центробежных и центростремительных силах в Византийской империи накануне латинского завоевания и в период латинского владычества. Накануне IV Крестового похода в Византии уже начался процесс феодальной раздробленности. Латинское завоевание сперва ускорило этот процесс, дало импульс центробежным силам. Но вскоре владычество латинян пробудило невиданный подъем эллинского патриотизма, способствовало объединению вокруг Никеи всех центростремительных сил государства. З. В. Удальцова отметила особую ценность той части доклада П. Топинга, которая была посвящена анализу греко-венецианской культуры Крита, она полностью поддержала выводы автора о связи культуры Крита с итальянским гуманизмом. Что же касается искусственной франко-греческой культуры Мореи, то, по ее мнению, она во многом оказалась пустоцветом. Цветок, принесший истинно прекрасные плоды, расцвел не в Ахее, а в Мистре, последнем центре византийской цивилизации. Но и здесь нельзя отрицать влияния западной, гуманистической культуры на византийскую образованность. Стоит хотя бы вспомнить такую фигуру, как Виссарион и отчасти Плифон. Иными словами, в XIV—XV вв. происходит взаимное обогащение греческой и латинской культуры и на почве Эллады.

Э. Станеску говорил о взаимном обогащении культур греческой и западноевропейской на почве Византии в различные периоды, а не только во время существования латинского государства. Голландский медиевист Верлинден высказал некоторые сомнения относительно роли венецианской культуры на Крите; он полагал, что культурное влияние Италии на этом острове не было столь значительным, как утверждал П. Топинг. С. Санчес (Испания) указал на необходимость дальнейшего изучения всех источников, проливающих свет на взаимное влияние греческой и латинской культур, в том числе и переводов с латинского, сделанных греками в различных странах (он, в частности, упомянул о необходимости издания и изучения такого рода текстов, хранящихся в библиотеках Ленинграда). М. Мануссакас поддержал тезис П. Топинга о сохранении греческой основы культуры Крита в XV—XVI вв. Он подчеркнул, что греки на Крите редко переходили в католичество, так же как и венецианцы редко принимали православие, и привел интересные факты о постоянном и тесном культурном общении Венеции и Крита в эту эпоху. В частности, Греческий институт византийских и послевизантийских исследований в Венеции недавно обнаружил на Крите богатую частную коллекцию предметов византийского искусства, составленную в течение XIV—XVI вв. знатной венецианской фамилией. Э. Арвейлер указала на факторы, которые затрудняли культурное общение и сближение греков и латинян как в Ахее, так и на Крите. По ее мнению, существовали три барьера: языковый, религиозный и социальный, которые мешали культурному «взаимопроникновению» латинян и греков на Пелопоннесе и Крите.

24 августа состоялось расширенное заседание Исполкома Международной ассоциации византинистов. На этом заседании член бюро Э. Арвейлер по поручению президента ассоциации Д. Закитиноса сделала подробный доклад о подготовке к очередному XV Международному конгрессу византинистов в Афинах (сентябрь 1976 г.). Были сообщены главные темы пленарных заседаний конгресса, имена докладчиков и содокладчиков по основным темам.

Дискуссия на заседании Исполкома Ассоциации развернулась по вопросу о секциях будущего конгресса, многие ученые высказались за сокращение числа секций и секционных докладов. Краткое сообщение о ходе подготовки к конгрессу сделал вице-президент Национального комитета византинистов Греции М. Манус-

сакас. Кроме того, Э. Арвейлер рассказала о подготовке к выпуску в свет очередного номера Информационного бюллетеня Международной ассоциации византинистов. Было особо отмечено, что национальный комитет византинистов СССР своевременно и полно освещает деятельность советских византинистов, регулярно посылая в бюллетень информационные статьи. Рассматривался вопрос о деятельности национальных комитетов византинистов отдельных стран.

З. В. Удальцова, М. Д. Лордкипанидзе и Г. Г. Литаврин посетили Университет в Беркли. Встречи и беседы в Сан-Франциско еще более укрепили научные связи советских византинистов с учеными многих стран.

З. В. Удальцова

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ И БАЛКАНЫ» (ВАРНА, 15—20 СЕНТЯБРЯ 1975 г.)

С 15 по 20 сентября 1975 г. в Варне (Болгария) проходила международная конференция «Славянские культуры и Балканы», организованная в рамках «Проекта изучения славянских культур» ЮНЕСКО. На заседаниях 16, 17, 19 и 20 сентября в четырех секциях — «Славянские культуры и Балканы (IX—XVII вв.)», «Формирование национальной культуры южных славян в XVIII—XIX вв. в процессе развития европейской культуры», «Языкознание», «Фольклор» — было заслушано и обсуждено 122 доклада; кроме того, состоялись два заседания за круглым столом: «Текстологические и археографические проблемы издания древнеболгарских памятников» и «Богомилы и катары» [1].

Среди разнообразных вопросов истории и культуры балканских народов, исследовавшихся в докладах участников конференции, видное место принадлежало вопросам истории Греции византийского и послевизантийского периодов. Значительное число докладов было посвящено также культурным контактам греческого и славянского мира.

Прежде всего следует выделить доклады, в которых рассматривались вопросы о месте Византии в системе международных отношений на Балканах, ее роли в формировании идеологии и культуры славянских государств: *Г. Г. Литаврин.* Идея верховной власти в Византии и Древней Руси в X—XIII вв.; *Т. Васильевский* (Польша). Роль Византии в образовании национальных славянских культур; *Г. Хауссиг* (ФРГ). Византийское наследие на Балканах; *А.-Э. Тахиаос* (Греция). Афон и образование славянских культур; *П. Харанис* (Греция). Славяне, Византия и историческое значение Первого Болгарского царства; *З. В. Удальцова.* Отклики на падение Константинополя в Русском государстве; *А. Гийу* (Франция). Славянская культура в византийском катепанате Италии (X—XI вв.).

Ряд докладов представлял собой исследования вопросов взаимоотношения византийской и средневековых славянских литератур, главным образом на примере изучения конкретных памятников письменности: *И. С. Дуйчев* (Болгария). Литературные связи Византии и славян в эпоху развитого средневековья; *В. К. Тыпкова-Заимова* (Болгария). Легенда о Димитрии Солунском в византийских и славянских текстах; *Э. Вранусси* (Греция). Славянские топонимы у византийских авторов; *Д. Илиаду* (Греция). Славянские переводчики; *Ст. Кожухаров* (Болгария). Типологические параллели между византийской и славянской гимнографией.

Вопросы распространения на славянской почве одного из памятников византийского права были рассмотрены в докладе *Х. Папастатиса* (Греция) «„Шестикнижие“ Арменопула в славянском мире».

Среди многочисленных докладов искусствоведов выделим лишь те, которые были посвящены сопоставлению памятников византийского и славянского искусства XI—XV вв.: *О. И Подобедова.* Русская рукописная книга начального периода и общность ее иллюстраций с византийскими и славянскими миниатюрами; доклады *Е. Бакаловой* и *Л. Мавродиновой* (Болгария), имевшие одинаковое название

[1] Подробную информацию о конференции см.: *Злыднев В., Рогов А.* Комплексная конференция в Варне по проблемам славянских культур. — «Советское славяноведение», 1976, № 2, с. 119—121.